

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТЫ

М. М. Соколов

Интернациональный провал постсоветской социологии: сравнение институциональных объяснений

СОКОЛОВ Михаил Михайлович — кандидат социологических наук, доцент факультета социологии и политических наук Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия).

Email: sokolovmikhail@yandex.ru

Проект реализуется Михаилом Соколовым (Санкт-Петербургский филиал ГУ ВШЭ / Европейский университет в Санкт-Петербурге при поддержке Научного фонда ГУ ВШЭ, грант № 08-01-0102).

Вопросы исследования

Лия Гринфелд пишет в своей книге об истории национализма [Greenfeld, 1992], что главной сюжетной линией российской идеологической борьбы с начала XIX в. было противостояние не между «левыми» и «правыми», как в большинстве западноевропейских стран, а между теми, кто требовал признать безусловное экономическое и моральное превосходство Запада над Россией в качестве основного политического принципа, и теми, кто требовал признать в качестве такового превосходство России над Западом. Первые, вполне закономерно, желали проведения реформ, которые не просто уподобили бы Россию Европе или США, но сделали бы её любой ценой частью «Запада» — пусть даже частью маловажной и периферийной. Вторые, разумеется, приветствовали любые реформы (или отсутствие таковых), которые позволили бы избежать этой участи. Третья, промежуточная, позиция предполагала, что Россия должна уподобиться Западу, но не для того, чтобы стать его частью, а чтобы сохранить политическую независимость от него. Общим для всех трёх было то, что Запад сохранял для России статус первичной референтной группы, приближение к или отдаление от которой служили основным критерием оценки всего происходящего внутри страны.

Вполне по Бурдье, это центральное идеологическое противостояние структурирует позиции в самых разных социальных мирах. Российская социология может служить одним из примеров. Здесь мы встречаем тех, кто считает, что российским социологам стоит на время отказаться от собственных суждений о том, что и как надо делать, и полностью перенять систему авторитетов, круг чтения, стили исследования, жанры письма и даже манеры поведения западных коллег. Суждению этих коллег в отношении того, чего стоит чья-то работа, можно доверять гораздо больше, чем суждению коллег российских, и поэтому западные степени, публикации и цитирования в западных журналах, совместные проекты с западными учёными являются го-

раздо более надёжными маркерами профессиональных достижений. На другом полюсе стоят те, кто говорят, что к западным учёным лучше вовсе не прислушиваться, поскольку Запад погряз во всех грехах сорокинской сенсуалистической цивилизации, а символы признания и гранты раздаются им российским учёным в основном для того, чтобы сбить тех с пути создания аутентичной социологии. Столкновение этих двух позиций в последние годы стало дежурным способом оживления пленарных заседаний крупных социологических мероприятий.

Как и в случае с политикой обе стороны смотрят на Запад — одна открыто, вторая украдкой — как на основного Значимого Другого, и обе живо заинтересованы в выяснении:

- существует ли для западной социологии российская, и если да, то кто и что именно видимо «оттуда»?
- что стоит за успехом в привлечении внимания западных учёных? кто преуспевает в этом и почему? где возникают самые проблематичные «узкие места»?

Исследование, о котором рапортует данный отчёт, представляло собой попытку ответить на эти вопросы социологическими методами.

Стратегия и методы

Попытки продвинуться к ответу производились параллельно на двух уровнях анализа: уровне изучения индивидуальных академических карьерных траекторий и уровне «макрокаузального» [Skocpol, Sommers, 1980] сравнения интернациональной различимости национальных дисциплинарных сообществ, таких как «польская политология» или «эстонская экономика». Гипотезы, сформулированные на микроуровне, сравнивались затем с паттернами, наблюдаемыми на макроуровне, и наоборот, корреляции между макропеременными интерпретировались в свете собранных на микроуровне данных. Для этого:

- было проведено историческое исследование появления советской/российской социологии на интернациональной сцене (с помощью индексов цитирования, сбора данных о наиболее успешных авторах из вторичных источников и интервью, анализа их карьерных траекторий и т. д.);
- для 288 национальных дисциплинарных сообществ (18 дисциплин в 16 европейских странах, которые отбирались по следующим принципам: они не должны быть англоязычными и центрами собственной «академической миросистемы», как, например, Франция) была собрана информация по нескольким показателям, характеризующим их интернациональное присутствие (число публикаций и показатели цитирования, доля крупных грантов и т. д.). Также собиралась всевозможная статистическая информация о национальных академических сообществах в этих странах (базы данных UNESCO, EuroStat, OECD): количестве учёных в них, финансировании науки, интернациональной мобильности и т. д. Кроме того, были вычислены индексы, характеризующие зависимость коммуникации в дисциплине от компетентности во владении английским языком, «естественнонаучность» и проч.;
- на основании этих данных реконструировалась конфигурация обстоятельств, делающая успех данного индивида, исследовательского коллектива или национального дисциплинарного сообщества в целом вероятным.

В плане методов сбора и анализа информации использовались:

- наукометрические показатели (индексы цитирования Web of Science Института научной информации (ISI) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), а также некоторые сконструированные на их основе показатели (например, индекс *hardness-softness* дисциплин, основанный на латуровских исследованиях науки (Stubbs, 2000));
- интернациональная и национальная статистика науки (данные UNESCO, EuroStat, OECD, РосСтата, ВАК, Института статистических исследований и экономики знаний ГУ ВШЭ и другие, института GESIS (Берлин));
- прочие статистические данные, характеризующие интеграцию национальных дисциплинарных сообществ в интернациональную науку, в частности: а) количество членов редколлегий из данной страны в рефер-ревью периодике (анализ журналов в полнотекстовых электронных базах); б) участие в интернациональных научных мероприятиях (конгрессы ассоциаций) и представленность в их правлениях; в) доли полученных грантов в рамках крупнейших программ (анализировалась статистика EU Framework Programmes 6 и 7, MacArthur Foundation, OSI и проч.);
- иные данные, необходимые для проверки гипотез исследования, например, время вступления в ЕС и НАТО, поддержка этих мер населением данной страны и отношение к ней со стороны населения ЕС, которые служили независимыми переменными при проверке гипотез о значении политической близости в установлении научных коллабораций (не подтвердившихся);
- содержательный анализ публикационной истории советской/российской социологии, информация для которого поступала из чтения соответствующих текстов, прослеживания сетей цитирования между ними и интервью с непосредственными участниками сетей;
- включенное наблюдение и неформализованное интервьюирование петербургских социологов, направленное на исследование их опыта интеракции с интернациональными изданиями и аудиториями, а также иностранных авторов, наиболее тесно вовлечённых в сотрудничество с российскими коллегами;
- в плане обработки информации использовались многомерные регрессии и индуктивно-логический метод сравнения, предложенный Чарльзом Рагином [Ragin 1987].

Некоторые предварительные результаты

Интерпретация данных исследования ещё далека от завершения, но некоторые предварительные выводы можно суммировать следующим образом.

Сравнение национальных дисциплинарных сообществ

1. Интернациональная различимость национальных дисциплинарных сообществ варьируется значительно. Так, среднее число статей, опубликованных венгерским исследователем-обществоведом в реферируемых англоязычных журналах в 1993–2008 гг., и среднее число привлечённых им цитирований составляло соответственно 1,57 и 6,67, эстонским — 1,47 и 6,54, российским — 0,20 и 0,49, словацким — 0,14 и 0,24 (для сравнения из не-постсоциалистических стран, для датского учёного — 10,05 и 54,52). Вероятность стать автором англоязычной

публикации и быть процитированным для, скажем, финского психолога превышает аналогичную вероятность для российского философа приблизительно в 150 раз. За большую часть этой вариации ответственны характеристики институциональных систем и академических культур соответствующих стран, а также особенности соответствующих дисциплин (см. ниже). Тем не менее уникальная история и социальная организация конкретных сообществ также во многом определяют их взаимодействие с интернациональной наукой (ожидания, основанные на средних для данной дисциплины и данной национальной академической системы, объясняют 0,511 и 0,613 вариаций для наблюдаемых статей и цитирований данного национального дисциплинарного сообщества соответственно).

2. Степень «естественности» данной дисциплины вполне предсказуемо влияет на её различимость: чем больше наука полагается на графики и формулы, и чем меньше — на средства естественного языка, тем меньшим препятствием для её представителей является языковой барьер (изменения R^2 в пошаговой регрессии со средним количеством цитирований в качестве зависимой переменной — порядка 0,188). Этот факт может быть отражением нескольких обстоятельств: во-первых, ограничивающей роли издержек, связанных с переходом на английский язык, во-вторых, важности «глобализированности» проблем, характерной в большей мере для естественных наук. Чем больше учёных «там» занимаются тем же, чем занимаются (или могут заниматься) учёные «здесь», тем больше шансов, что последние окажутся хорошо различимы. Ту же картину мы наблюдаем на уровне интервью. В жизни наиболее успешно публикующихся на английском российских социологов активную роль играли британские и американские учёные (например, историки сталинизма — С. Коткин (Stephen Mark Kotkin), Ш. Фитцпатрик (Sheila Fitzpatrick), М. Маколи (Mary McAuley)), которые, по словам одного из информантов, «*клещами из нас тащили первые статьи*». Именно наличие таких глобальных поддерживающих сетей в естественных науках, а не языковой барьер как таковой, может играть основную роль.
3. Неожиданно, размер национального академического сообщества оказался практически несущественным, не влияя ни в положительную сторону (вопреки интуитивно привлекательному предположению, что чем выше число учёных, тем больше должно быть число талантливых исследователей, которым есть, что сказать миру), ни в отрицательную (чем выше число учёных, тем сильнее тенденция ограничиваться «домашней» аудиторией), причём нет оснований и для предположения, что один эффект просто уравнивает другой. Также практически несущественно проявили себя: кумулятивный эффект уже состоявшихся публикаций (предположение состояло в том, что решающий эффект для наукометрической оценки различимости может иметь позитивная дискриминация при цитировании в пользу соотечественников); доля зарубежных источников в финансировании науки (предположение звучало так: чем важнее финансирование западными фондами, тем сильнее стимул приобретать интернациональные репутации, способные произвести на экспертов этих фондов впечатление) и политическая близость к Западу (которая оценивалась по опросным данным, сведениям о времени вступления страны в геополитические и геоэкономические альянсы, исповедуемой религии и т. д.).
4. Напротив, влияние экономического благополучия оказалось огромно: финансовые возможности исследовательских фондов в расчёте на одного исследователя из данной страны, являются лучшим существующим средством предсказать как общее количество исходящих из этой страны публикаций, так и среднее число их цитирований за рубежом (так, изменение R^2 в пошаговой регрессии с количеством статей в качестве зависимой переменной — 0,262).

5. Различные показатели институциональной интеграции в интернациональную академическую систему представляют смешанную картину. В целом уровень различимости достаточно стабилен и мало изменился для дисциплинарных сообществ в Восточной Европе в ходе трансформаций, сопровождавших крушение советского блока (коэффициент корреляции между количеством статей в 1988–1992 и 1993–2008 гг. — 0.765). Прослеживается положительная связь между уровнем студенческой миграции из данной страны и количеством поступающих из неё англоязычных статей (вопреки гипотезе «утечки мозгов», в соответствии с гипотезами «поддерживающей диаспоры» и сетевой диффузии академических стандартов), но не прослеживается связь между различимостью и долей иностранного финансирования исследований. Последнее заставляет усомниться в аргументах тех, кто предполагает, что интернациональная включённость полностью зависит от корпоративной встроенности в институты, в которых доминируют англо-американские учёные.
6. *Детальный анализ российской социологии*, бывшей основным предметом исследования, добавляет к этой картине важные нюансы, сообщающие кое-что об аспектах истории и институциональной динамике сообщества, которые могли оказать влияние на его интернациональную различимость. В рамках сбора эмпирической информации о процессах возникновения интеллектуальных репутаций были сопоставлены данные о цитировании российских социологов в отечественной и зарубежной периодике. Основные выводы этой части исследования были таковы:
7. Связь между национальной и интернациональной известностью российских учёных оказывается относительно слабой. Можно быть известным российским социологом за пределами России — и практически неизвестным массам коллег в ней, и наоборот (это подтверждают и результаты, полученные другими методами).
8. В выборе аудитории — национальной или интернациональной — наблюдается отчётливая поколенческая динамика. Рассмотрев распределение наиболее цитируемых авторов по годам рождения, мы обнаруживаем, что и в списке наиболее цитируемых в отечественной, и в списке цитируемых в англоязычной периодике наблюдается всплеск, приходящийся на поколение, появившееся на свет около 1930 г. Дальнейшая динамика, однако, различна: в первом списке за этим подъёмом следует равномерный спад, в то время как во втором списке после 1945 г. наблюдается ещё один подъём, хотя и менее выраженный, приходящийся на поколения 1945–1965 гг. рождения. Картина в целом кажется хорошо знакомой по исследованиям в социологии науки: поколение первопроходцев осваивает институциональное и интеллектуальное пространство, оставляя на долю идущих следом лишь значительно более ограниченные возможности. Поколения 1925–1935 гг. закрыли собой позиции на внутреннем социологическом рынке и, частично, также на внешнем рынке, на котором существует постоянный спрос на экспертов по «российскому случаю». На этом последнем, однако, их монополия была существенно поколеблена более молодыми коллегами, лучше освоившими «правила игры» западной науки и за счёт этого добившимися значительного признания в ней. В свою очередь, кажется, это молодое поколение оставило ещё меньше шансов будущим.

Полученные в ходе эмпирического исследования результаты в значительной степени неожиданны. Ни в интервью, ни в соответствующей нашей теме литературе не удалось найти готовых объяснений для того, что даже в минимально капиталоемких областях наиболее сильное влияние на интернациональную различимость оказывает объём финансирования исследований в пересчёте на одного исследователя, причём эта связь сохраняется при всевозможных контролях «цивилизационной» и институциональной близости.

Интерпретация этих результатов впереди, но пока представляется, что изложенные предварительные выводы укладываются в две гипотезы, предложенные автором ранее на совершенно ином материале: этнографии локального сообщества петербургских социологов. Во-первых, «бедная наука» поощряет кратковременные инвестиции в поддержание уровня жизни, которые оборачиваются для учёных затруднённой долговременных инвестиций в получение значимых результатов и создание репутации. Во-вторых, для неё свойственна регионализация «рынков идей», фактически предотвращающая интеллектуальную конкуренцию и незаметно снижающая исследовательские стандарты.

Основные публикации по результатам проекта

Соколов М. 2008. Российская социология на международном рынке идей. Опубликовано на сайте *Полит.Пу.* bilingua.org.ru/science/2008/09/10/sokolov.html

Текст, сравнивающий показатели цитирования для 25 самых цитируемых российских социологов в англоязычных (SSCI) и русскоязычных (РИНЦ) индексах за разные периоды.

Соколов М. М. 2009. Национальные и интернациональные репутации российских социологов: Наукометрический анализ. *Социологические исследования*. 1: 144–152.

Расширенная версия предыдущего текста, содержащая анализ пересечений между списками самых цитируемых социологов, их карьерными траекториями, географическим местоположением и т. д.

Соколов М. Восточноевропейские социальные науки и интернациональные «рынки идей»: Кто оказался наиболее успешен и почему? (готовится к публикации на сайте *Полит.Пу.*)

Публикация, обобщающая результаты сравнительной части исследования.

Литература

Greenfeld L. 1992. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Cambridge, Mass: Harvard University Press.

Ragin Ch. 1987. *The Comparative Method: Moving Beyond Qualitative and Quantitative Strategies*. Berkeley: University of California Press.

Skocpol Th., Sommers M. 1980. The Uses of Comparative History in Macrosociological Inquiry. *Comparative Studies in Society and History*. 22 (2): 174–198.

Stubbs A. 2000. Scientific Graphs and the Hierarchy of the Sciences: A Latourian Survey of Inscription Practices. *Social Studies of Science*. 30 (1): 73–94.